



Социокультурная регуляция гражданской позиции молодежи в цифровой среде

Надежда Николаевна Покровская¹, Элина Борисовна Авакова²,
Артем Александрович Кузнецов³

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

³Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Россия

¹nnp@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0795-8102>

²elina_avakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5305-5748>

³artsmith@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0995-8405>

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с проблемой формирования и развития гражданской позиции молодежи в цифровой среде. Авторы рассматривают традиционные и цифровые механизмы социокультурной регуляции гражданского позиционирования молодежи. В статье обосновывается необходимость поиска методов социально-психологического подкрепления в процессе формирования конструктивной гражданской позиции молодежи. Авторы указывают, что цифровые технологии создают посреднические каналы, которые, с одной стороны, позволяют включить в коммуникацию тех участников, которые без цифровой среды не смогли бы взаимодействовать, но с другой, снижают качество и ослабляют такой эффект, как прямое заражение и копирование. В этой связи важным вопросом для современного цифрового общества является задача обеспечения трансфера знаний и умений, передачи навыков с посредничеством цифровых телекоммуникационных технологий в удаленной работе, учебе и в онлайн-взаимодействии.

Ключевые слова: гражданская позиция, молодежь, социокультурная регуляция, цифровая среда, социальные коммуникации

Для цитирования: Покровская Н. Н., Авакова Э. Б., Кузнецов А. А. Социокультурная регуляция гражданской позиции молодежи в цифровой среде // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 251–256. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-251-256>. EDN WPF0VG

Sociology Problems

Original article

Socio-cultural regulation of youth civic consciousness in the digital environment

Nadejda N. Pokrovskaja¹, Elina B. Avakova², Artem A. Kuznetsov³

¹Saint Petersburg Electro-technical University "LETI", Saint Petersburg, Russia

²Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

³Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia

¹nnp@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0795-8102>

²elina_avakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5305-5748>

³artsmith@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0995-8405>

Abstract. The article is devoted to issues related to the problem of the formation and evolution of the civic position of youth in the digital environment. The authors consider traditional and digital mechanisms of socio-cultural regulation of youth civic positioning. The article substantiates the need to search for methods of socio-psychological reinforcement in the process of forming a constructive civic position of young people. The authors

point out that digital technologies create intermediary channels that, on the one hand, allow you to include in communication those participants who would not be able to interact without a digital environment, but on the other hand, reduce quality and weaken such effects as direct infection and copying. In this regard, an important issue for the modern digital society is the task of ensuring the transfer of knowledge and skills, the transfer of skills through the mediation of digital telecommunications technologies in remote work, study and online interaction.

Keywords: civic consciousness, youth, socio-cultural regulation, digital environment, social communications

For citation: Pokrovskaja N. N., Avakova E. B., Kuznetsov A. A. Socio-cultural regulation of youth civic consciousness in the digital environment. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):251–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-251-256>. EDN WPF0VG

Социокультурная регуляция опирается на набор представлений о мире (пространство действия), оценок желаемого и избегаемого состояния (система ориентирования) и карты приемлемых каналов удовлетворения потребностей и достижения ценностных состояний (модели поведения) [1].

Структура социокультурной регуляции отражает трехкомпонентную структуру социальных установок, аттитюдов, которая включает когнитивный, аффективный и конативный компоненты: познание мира, придание ему личных оценочных суждений (интенциональная оценка возможных результатов взаимодействия с миром – насколько возможно воплотить свои намерения, и насколько внешняя для человека среда может быть агрессивной или благоприятной) и выбор модели действия или бездействия.

Картина мира отражается в языке, идеологии, религии и других формах, которые определяют, какова окружающая среда для человека. Ключевые знания о мире человек получает в раннем возрасте одновременно с усвоением языка. Понятия Отчизны, Отечества, Родины усваиваются в таком же раннем возрасте исходя из того, в каком контексте и с каким смыслом использует эти слова малая группа (чаще всего, семья и значимые взрослые).

В целом, картина мира существует в форме, которая окрашивается личностными деталями на досознательном уровне: когда человек слышит слово «государство», он сначала воспринимает это слово так, как он усвоил его через восприятие окружающих его людей, лишь затем он начинает «нанизывать» дополнительные значения, добавлять свой собственный опыт взаимодействия с государственными органами, дополнять усвоенный образ теми аспектами, о которых прочел в книгах сам или услышал от учителей и воспитателей в образовательных учреждениях. Если у человека возникают вопросы, он может обратиться к правовым документам, из которых, например, может получить информацию о своих правах и обязанностях.

Ключевым документом, в котором отражена картина мира, является основной документ, «устанавливающий» (constituting) государство – Конституция. Хотя Конституцию Российской Федерации изучают в школе, но лишь немногие всерьез читали этот документ и вникали в то, какие права граждане РФ имеют, а главное, каким образом эти права в действительности осуществляются.

Как правило, многими нормативно-правовые акты воспринимаются как скучные и длинные тексты, не понятные для обычного человека, не адаптированные к восприятию, а также, содержащие не «картину мира» или цели и ценности, а исключительно нормы и правила, процедуры, которым необходимо следовать для достижения неких целей, где-то в другом месте возникающих и зафиксированных. В целом, федеральные законы и кодексы, действительно, указывают на пути достижения целей, но при этом в Преамбулах или Общих положениях, а также в первых статьях кодексов и законов практически всегда указаны и определения, описывающие реальность (например, в Законе об Образовании в РФ¹ во второй статье даны определения понятий образование, обучение и воспитание), и цели (например, в Трудовом кодексе РФ², первая статья описывает цели: «установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей»).

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.01.2024).

² Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 15.01.2024).

В Законе об Образовании в РФ указано, что образование включает в себя воспитание и обучение, и образовательной организацией может являться только некоммерческая организация (п. 18 ст. 2). Для обучения может создаваться «организация, осуществляющая обучение» (п. 19 ст. 2). Аналогичным образом, первый пункт первой статьи Гражданского кодекса¹ утверждает «самоочевидные» вещи, которые как раз и отражают ту действительность, в которой российские граждане могут и должны жить и действовать, учитывая интересы других участников и последствия своих действий: признание «равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты». П. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ утверждают, что «участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно», и при этом «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».

Таким образом, хотя нередко звучат в публицистике дискуссии о том, что в России нет идеологии, это утверждение не вполне верно [2]. Достаточно внимательно заглянуть хотя бы в основные правовые документы страны, чтобы обнаружить закрепление и утверждение в них тех базовых принципов, которых население страны должно придерживаться при принятии решений.

Социокультурная регуляция нередко рассматривается как ориентация в пространстве ценностей и смыслов. Если само пространство задано всем наследием художественного и интеллектуального творчества, например, образцы мировоззрения присутствуют в литературе, живописи, музыкальных произведениях, то ориентация в этом пространстве предполагает закрепление желательных, привлекательных, целевых состояний.

Нередко в качестве ключевого идеологического документа в России называют Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². Можно отметить, что его содержание опирается на Конституцию РФ³, а также на законы и концепции в сфере стратегического планирования в стране, национальной и информационной безопасности, противодействия экстремизму, государственной культурной политики, Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы⁴, указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁵ и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁶.

В названном указе определены традиционные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» (п. 4) ради сбережения народа России и развития человеческого потенциала (п. 7), сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность (п.8), и дан исчерпывающий перечень традиционных ценностей (п. 5):

- жизнь, достоинство, права и свободы человека;
- патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу;

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.01.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 20.12.2023).

³ Конституция Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 23.12.2023).

⁴ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 20.12.2023).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 20.09.2023).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 20.09.2023).

- высокие нравственные идеалы;
- крепкая семья;
- созидательный труд;
- приоритет духовного над материальным;
- гуманизм, милосердие;
- справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение;
- историческая память и преемственность поколений;
- единство народов России.

При этом отмечено, что «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» (п. 6).

В Указе также перечислены те основные инструменты социокультурной регуляции и формы взаимодействия, которые позволят помочь молодежи формировать свою гражданскую идентичность (ст. 19, 21 и 23).

В заключительных статьях обозначена необходимость «способствовать сбережению и приумножению народа России, сохранению общероссийской гражданской идентичности, развитию человеческого потенциала, поддержанию гражданского мира и согласия в стране, укреплению законности и правопорядка, формированию безопасного информационного пространства, защите российского общества от распространения деструктивной идеологии, достижению национальных целей развития, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации» (ст. 31).

Таким образом, нельзя утверждать, что в России нет государственной идеологии и целеполагания, скорее, можно отметить вновь ту же ситуацию, которую В.М. Живов отмечал [3, с. 217–235], описывая наличие в русском языке двух слов, «горожанин» и «гражданин», имеющих общее происхождение, но различающихся по сфере употребления: бытовой или духовно-культурной.

Для выработки механизмов реализации [4] перечисленных целей и задач в обществе присутствуют формальные и неформальные нормы [5]. Формальные правила и процедуры отражаются в системе правовых документов, неформальные обычаи и правила поведения воспринимаются и копируются в непосредственном общении, при спонтанном повторении и имитации тех действий, которые выполняют другие участники взаимодействия. В этом смысле, цифровые технологии создают посреднические каналы, которые, с одной стороны, позволяют включить в коммуникацию тех участников, которые без цифровой среды не смогли бы взаимодействовать, но с другой, снижают качество и ослабляют такой эффект, как прямое заражение и копирование. В этой связи важным вопросом для современного цифрового общества является задача обеспечения трансфера знаний и умений, передачи навыков с посредничеством цифровых телекоммуникационных технологий в удаленной работе, учебе и в онлайн-взаимодействии.

Так, в физической реальности молодежь заражается желанием поехать на совместные проекты, например, строительство БАМа, и затем испытывает гордость и делится этим опытом достижения и создания своей собственной сети друзей, т.е. формирует свой социальный капитал, репутацию и разделяет гражданскую позицию тех, с кем находится в непосредственном контакте. В цифровой среде в сообществах и чатах формируются свои «разрешения и запреты» [6], которые действуют в режиме информационного пузыря, в котором молодые люди просто не получают той информации, которая бы не соответствовала их допустимым моделям и контенту.

Гражданское позиционирование в цифровой среде в целом опирается на те же механизмы, которые используются и в традиционном обществе:

- демонстрация интервала общественного порицания-похвалы (в сообществах продвигаются и поддерживаются лайками и репостами те модели поведения, или точнее, самовыражения и заявленного поведения, которые в сообществе воспринимаются как желательные);

- предоставление дополнительного высокого статуса лидерам, наиболее ярко и заметно декларирующим принятые ценности, при этом показательно связываются статус в группе, сообществе с доступом к ресурсам (технологии, премиум-профили, права модерации и т.п., ИТ-преимущества, а также премии и призы в физической реальности [7]);

– исключение тех участников, которые не демонстрируют желаемого поведения, из информационных потоков (вплоть до бана, остракизма и полного исключения из сообществ).

Учитывая необходимость для молодежи завоевать не только знания и компетенции (возможности), но и позицию в своем сообществе, молодые люди заинтересованы в поддержке как доступа к ИТ-ресурсам и сервисам, так и сохранения своего постоянного присутствия в информационных каналах, поскольку невозможность получить своевременную информацию может лишить их дальнейшего карьерного и профессионального роста и искомой социальной позиции.

В этой связи, гражданская позиция формируется не только в рамках копирования чужого поведения, но и в режиме постоянных попыток «превысить» требования, показать еще более глубокую приверженность ценностям и смыслам, принятым в группе. Это сопряжено с риском экстремизма. Молодым людям может показаться, что их вознаграждение за «правильное» поведение недостаточно, что их подвиги и самопожертвование не замечаются, т.е. они занижают оценку положительного подкрепления, а условная анонимность сети интернет создает иллюзорное чувство вседозволенности и безнаказанности, которое приводит их к совершению уже в физической действительности тех действий, которые не будут приняты обществом, например, приведут к вмешательству государственных силовых ведомств.

Указанная проблема смещения реальности в информационном «пузыре», иллюзорной доступности и одобрения тех моделей поведения, которые в физической реальности выходят за рамки допустимых, ставит специфическую проблему формирования и эволюции гражданской позиции молодых людей, присутствующих в сети интернет.

Социальная коммуникация опирается на алгоритмы отбора информации, ограничивая человека в получении адекватной картины мира, что отметил еще Дж. Гербнер в своей теории культивации [8]. На исследованиях эффекта избыточного просмотра телевизионных передач Дж. Гербнер показал, что в условиях, когда массовая коммуникация ориентирована на просмотры и реакции, предлагаемый пользователю контент всегда будет смещен в сторону негативных эмоций, что упрощает эмоциональную раскачку и получение реагирования пользователя. Современные СМИ, включая блогеров и инфлюэнсеров (лидеров мнений) в социальных сетях, пользуются этим же правилом: эмоциональная реакция в несколько раз легче [9] и достигается за счет отрицательной информации, а ее правдоподобность не имеет принципиального значения, поскольку важно количество просмотров, а не подтверждение истинности.

Конструктивная гражданская позиция, направленная на постепенное выстраивание и развитие своего места и статусно-ролевого роста на основе достижений, сталкивается с простотой и дешевой деструктивной позицией, которая требует значительно меньше усилий для монетизации лайков и репостов, реакций и вызванных у пользователей эмоций.

Соответственно, необходимо выстраивать такие режимы социально-психологического подкрепления, которые будут существенно сильнее и эффективнее прежде всего с точки зрения эмоционального воздействия. Ощущение сплоченности и групповой солидарности для молодежи в цифровой среде не менее важно, чем в физической.

Список источников

1. Покровская Н. Н. Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 3. С. 100-110.
2. Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б. К вопросу о государственной идеологии современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 31. С. 6–20. DOI 10.26516/2073-3380.2020.31.6.
3. Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 752 с.
4. Медведев Д. А. Гражданский кодекс России – его роль в развитии рыночной экономики и создании правового государства // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7. № 2. С. 6-17.
5. Покровская Н. Н. Социальные нормы как предмет социологического анализа: должное и действительное // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 1. С. 190–198.
6. Покровская Н. Н., Тюлин А. В. Психологические вопросы формирования регулятивных механизмов в цифровой среде // Технологии в инфосфере. 2021. Т. 2. № 2(3). С. 106–125. DOI 10.48417/technolog.2021.02.11.

7. Pokrovskaja N. N. Tax, financial and social regulatory mechanisms within the knowledge-driven economy. Blockchain algorithms and fog computing for the efficient regulation // Proceedings of 2017 XX IEEE International Conference on Soft Computing and Measurements (SCM), Saint-Petersburg, 24–26 мая 2017 года. Saint-Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2017. P. 709-712. DOI 10.1109/SCM.2017.7970698.)
8. Gerbner G., Gross, L. Living with television: The violence profile // Journal of Communication. 1972. 26 (2). Pp. 173–199. doi:10.1111/j.1460-2466.1976.tb01397.x
9. Tversky A., Kahneman D. Advances in prospect theory: Cumulative representation of uncertainty // Journal of Risk and Uncertainty. 1992. Vol. 5, iss. 4. P. 297–323. doi:10.1007/BF00122574.

References

1. Pokrovskaja N.N. Normative and value regulation of economic behavior of Russian workers. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2008;11(3):100-110. (In Russ.)
2. Goncharenko L.N., Avakova E.B. On the question of the state ideology of modern Russia *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Irkutsk state University. Series: Political Science. Religious studies*. 2020(31):6-20. DOI 10.26516/2073-3380.2020.31.6. (In Russ.)
3. Zhivov V.M. *Research in the field of history and prehistory of Russian culture*. Moscow: Yaz. Slavyan. culture, 2002. 752 p. (In Russ.)
4. Medvedev D.A. The Civil Code of Russia – its role in the development of a market economy and the creation of a rule of law. *Bulletin of Civil Law*. 2007;7(2):6-17. (In Russ.)
5. Pokrovskaja N.N. Social norms as a subject of sociological analysis: due and valid. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2007;10(1):190-198. (In Russ.)
6. Pokrovskaja N.N., Tyulin.V. Psychological issues of the formation of regulatory mechanisms in the digital environment. *Technologies in the infosphere*. 2021;2(2(3)):106-125. Doi 10.48417/technolang.2021.02.11. (In Russ.)
7. Pokrovskaja N.N. Tax, financial and social regulatory mechanisms within the knowledge-based economy. *Blockchain Algorithms and foggy computing for Effective Regulation / Proceedings of the XX IEEE International Conference on Software Computing and Measurement (SCM) 2017, St. Petersburg, May 24-26, 2017*. St. Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2017. pp. 709-712. DOI 10.1109/SCM.2017.7970698.)
8. Gerbner G., Gross L. Life with television: a profile of violence. *Journal of Communication*. 1972;26(2):173-199. doi:10.1111/j.1460-2466.1976.tb01397.x
9. Tversky A., Kahneman D. Achievements in the theory of prospects: cumulative representation of uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*. 1992;5(4):297-323. doi: 10.1007/BF00122574.

Информация об авторах

Н. Н. Покровская – докт. соц. наук, проф. кафедры инновационного менеджмента, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина); профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Э. Б. Авакова – канд. соц. наук, доц. Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

А. А. Кузнецов – преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна.

Information about the authors

N. N. Pokrovskaja – Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of Innovation Management, Saint Petersburg Electro-technical University "LETI"; Professor at the Graduate School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University.

E. B. Avakova – Cand. Sci. (Sociology) Sciences, Associate Professor at the Graduate School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University.

A. A. Kuznetsov – Lecturer at the Department of Advertising and Public Relations, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.